

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.4>

Егорова Валентина Павловна

ПОЛИТИКА "ЛАСКАНИЯ" В РОССИЙСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVII-XIX ВЕКОВ

В статье на базе документов и специальной литературы раскрывается сущность политики "ласкания", которая включала систему предпринимавшихся Россией мер, направленных на поиски в лице дагестанской знати социальной опоры для решения своих внешнеполитических проблем. На конкретном фактическом материале показано, как и за какие "заслуги" царские власти добивались от феодальных владетелей Дагестана присяг на верность российским самодержцам в XVII-XIX веках, раскрываются такие методы воздействия на них, как раздача подарков и наград, наделение земельными владениями, производство в военные чины и пр.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/5/4.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(91) С. 18-24. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. **Межуев В. М.** Национальная культура и современная цивилизация // Освобождение духа: сборник / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М.: Политиздат, 1991. С. 255-271.
4. **Минобрнауки России берет на контроль исполнение поручений Президента Российской Федерации об изучении русского и национальных языков в школах** [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://минобрнауки.рф/m/новости/10824> (дата обращения: 06.04.2018).
5. **Морозов О.** Идеология обкома КПСС в годы перестройки // История татар с древнейших времен: в 7-ми т. / гл. ред. Р. С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Т. 7. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. С. 497-499.
6. **Нэсбит Дж., Эбурдин П.** Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992. 416 с.
7. **О создании Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан** [Электронный ресурс]: Указ Президента РТ от 17 февраля 2010 г. № УП-71 // Официальный Татарстан. URL: <http://yanarysh.tatarstan.ru/gus/about/ukaz.htm> (дата обращения: 05.04.2018).
8. **Парсонс Т.** О структуре социального действия. Изд-е 2-е. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
9. **Центральный государственный архив аудиовизуальных документов Республики Татарстан (ЦГА АД РТ).** На Волге широкой: киножурнал. 1989. № 11.
10. **Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ).** Ф. 15. Оп. 15.
11. **ЦГА ИПД РТ.** Ф. 4034. Оп. 49.
12. **Шубин А. В.** Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 480 с.
13. **Hutchinson J.** Warfare and Sacralization of Nations: the Meanings, Rituals and Politics of National Remembrance // Millennium: journal of international studies. 2009. Vol. 38. № 2. P. 401-417.

FORMATION OF INTERCULTURAL DIALOGUE AND NATIONAL IDENTITY IN CONDITIONS OF POLITICAL TRANSFORMATIONS (EXPERIENCE OF THE PERESTROIKA PERIOD AND PRACTICES OF MODERNITY IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Guzel'baeva Irina Aleksandrovna, Ph. D. in History
Kazan State University of Architecture and Engineering
cherri-91@mail.ru

The periods of political transformations are characterized by the instability of social structures. It affects the process of intercultural dialogue formation. The article discusses the problem of building the dialogue of cultures in the Republic of Tatarstan during perestroika (1985-1991) and modern times. The examples of integrating and disintegrating functions of social movements that raise issues of historical and cultural memory are analyzed. The author substantiates the conclusion about the high degree of influence of the process of constructing national identity on intercultural dialogue in the republic.

Key words and phrases: perestroika; modernity; intercultural dialogue; historical memory; The Republic of Tatarstan.

УДК 94(470.67)«17/19»:323.1

Дата поступления рукописи: 24.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.4>

В статье на базе документов и специальной литературы раскрывается сущность политики «ласкания», которая включала систему предпринимавшихся Россией мер, направленных на поиски в лице дагестанской знати социальной опоры для решения своих внешнеполитических проблем. На конкретном фактическом материале показано, как и за какие «заслуги» царские власти добивались от феодальных владетелей Дагестана присяг на верность российским самодержцам в XVII-XIX веках, раскрываются такие методы воздействия на них, как раздача подарков и наград, наделение земельными владениями, производство в военные чины и пр.

Ключевые слова и фразы: Россия; Дагестан; русско-дагестанские отношения; политика «ласкания»; денежные жалования; земельные жалования; военные чины; награды; подарки.

Егорова Валентина Павловна, к.и.н., доцент
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
rasimkarmukov@mail.ru

**ПОЛИТИКА «ЛАСКАНИЯ»
В РОССИЙСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVII-XIX ВЕКОВ**

Русско-дагестанские отношения в своем развитии прошли длительный путь, начиная со времен Древнерусского государства. В данной статье они рассматриваются в рамках XVII-XIX веков, в течение которых Россия всячески поддерживала и поощряла дагестанских феодальных владетелей. Эту политику в литературе называют политикой «ласкания» [3; 7; 26]. Цель данной статьи и состоит в том, чтобы показать на конкретном материале, как, при каких условиях и в какой форме в течение XVII-XIX веков развивался институт «ласкания» царскими властями дагестанской знати.

В начале XVII века обстановка в России была чрезвычайно напряженной. В 1601-1603 гг. в стране разразился небывалый голод. По свидетельству Авраамия Палицына, только в одной Москве за 2 года и 4 месяца на трех кладбищах было погребено 127000 человек [21, с. 226]. Но даже эта сложная ситуация не прервала активно развивавшиеся со второй половины XVI века русско-дагестанские отношения. Именно в 1603 г. в Москву прибыли послы шевкала Сурхая с сообщением о его желании «быти под государевой рукой во всем послушным», которые были щедро одарены. Посол Сурхая Ибрагим получил в дар серебряный ковш, шубу бархатную на куницах, лисью шапку. Сурхаевскому узденю (участнику посольства) были подарены «шуба суконная на белках» и лисья шапка. Другие послы тоже не были обижены. Сурхаю послы привезли однорядку с кружевами и серебряными пуговицами, соболя и шапки лисьи [4, с. 79].

Польско-шведская интервенция на некоторое время прервала российско-дагестанские связи, которые в царствование Михаила Романова активизируются, о чем свидетельствуют неоднократные просьбы дагестанских феодальных владетелей о принятии их в подданство и под покровительство России.

Хотя в первой половине XVII века наблюдался рост ориентации некоторых дагестанских владетелей на Россию, а некоторых – на Турцию и Иран, преобладал первый вариант, о чем говорят факты о присягах на верность московскому царю. В Москве в 1614-1642 гг. побывало более 10-ти посольств от тарковского шамхала [1, с. 156] и 17 от кумыкских князей [14, с. 334]. Приняли российское подданство тарковский, эн-деревский, кафыркумухский, эрпелинский, карабудахкентский, кайтагский, табасаранский, аварский и другие владетели [1, с. 156].

В мае 1622 г. царь Михаил Федорович в своей грамоте, адресованной кумыкскому наследнику шамхальского престола Ильдару, сообщил о принятии его на русскую службу и о назначении ему жалованья. В ней также перечислялись такие дары, как «шуба – атлас золотной на соболях», кафтан из красного сукна с кружевами и пуговицами, черная лисья шапка и серебряный позолоченный кубок с крышкой [19, с. 74]. Государь обещал «держати жалованье» Ильдару, его братьям и детям, «смотря по их службе» [19, с. 74].

13 мая 1633 г. царь через посла Ильдара Томулдука снова отправил крым-шамхалу «кубок серебрян золочен с кровлею, шубу-атлас золотной на соболях добрую, однорядку скорлатну... шапку лисью черну, лисицу черну». На этот раз от царя и от его сына Алексея Михайловича сыну Ильдар-шекала тоже были отправлены дары – серебряный золоченый кубок «с кровлею» и 40 соболей [Там же, с. 108, 111].

Царская грамота от 25 мая 1643 г. узаконила признание кумыкского князя Сурхая шамхалом и установила ему денежное жалование. Кроме того, в грамоте отмечалось, что шамхалу через его посла были направлены и материальные дары: «...шуба – атлас золотной на соболях, однорядка (кафтан. – В. Е.) скорлатна, шапка лисья черна, кубок серебрян с кровлею позолочен» с обеих сторон, «3 сорока соболей» [Там же, с. 160-161].

Следующий активный этап развития русско-дагестанских отношений приходится на XVIII век. В годы правления Петра I они получают новый импульс. В 1717 г. в Москву с просьбой о принятии в подданство и под покровительство России обратился шамхал Адиль-Гирей, за которым то же самое сделали Султан-Махмуд аксаевский, уцмий кайтагский и другие владетели Дагестана [4, с. 104, 105].

Еще до Персидского похода Петра I в Коллегии иностранных дел активно обсуждались вопросы «о привлечении шамхала Адиль-Гирея на сторону России» (апрель 1719 г.) и о переговорах с ним относительно принятия его в русское подданство (январь 1720 г.). Итогом этих мероприятий стал указ царя канцлеру Г. И. Головкину, подканцлеру П. П. Шафирову, графу П. А. Толстому подготовить на этот счет соответствующий ответ посланцу Адиль-Гирея – Мамету. В составленном ими документе Адиль-Гирею было предложено «съезжаться» с астраханским губернатором А. П. Волынским «на Терке» и получать по всем вопросам «инструкцию с полным на все изъяснением». Заканчивалось «мнение» Коллегии иностранных дел по данной ситуации такой резолюцией: при отпуске посланца Мамета послать к «Адиль-Гирею, в знак его государевой милости до подлинного о нем определения, соболей, байбереков и камок, против посылки прошлого 1718 г. на 3 тыс. руб. Мамета (брата Адиль-Гирея) удовлетворить государевым жалованием, а именно денег дать руб. 500, да соболей и камок руб. на 500 же, дабы они... были благонадежны» [20, с. 29]. Спустя год (28 февраля 1721 г.) Петр I направил в Коллегию иностранных дел свой именной указ, в соответствии с которым «горскому шевкалу Адиль-Гирею за его к Е. Ц. В. верность» предписывалось послать жалование «соболями и мехами... и камками, и сукнами на тысячу руб.» [Там же, с. 30].

В указе коллегии иностранных дел астраханскому губернатору А. П. Волынскому от 26 августа 1720 г. был пересказан приказ Петра I о том, чтобы в ходе контактов российских чиновников с шамхалом Муртузали было составлено «свое мнение о нем». При этом чиновнику было дано такое царское наставление: «...а между тем бы с вышеупомянутым Муртазалею поступал и обходился ласково, дабы его от страны его царского величества не отогнать...» [14, с. 338; 19, с. 237]. Возможно, что именно лексика этого указа Петра I и способствовала появлению в литературе словосочетания «политика “ласкания”». За мирную сдачу города Дербента (23 августа 1722 г.) и объявление покорности Петр пожаловал дербентского наиба Имама Кули-бека чином генерал-майора и установил денежное довольствие за счет казны [14, с. 343].

В том же духе действовали и преемники Петра Великого. Так, например, Анна Ивановна в Грамоте уцмию Кайтагскому Ахмед-хану о его награждении «за верную службу», датированной 8 сентября 1730 г., особо отметила, что он «по своему закону нам в содержании вечного подданства присягу учинил». За это ему и детям его, а также старшинам было определено годовое жалование. Кроме того, императрица в знак высокой милости и за верную службу отправила уцмию с посланником халат, шубу соболью и саблю, пообещав, что и в будущем он за «радетельную службу ей милости и вознаграждения ожидать может» [20, с. 61-62].

22 февраля 1744 г. Елизавета Петровна подписала грамоту о пожаловании кумыкскому владельцу Алишу Хамзину чина костековского воеводы «за верную службу России». В ней указывалось, чтобы за его верность и прилежность все подданные императрицы данную персону за ее «воеводу надлежащим образом признавали и почитали». При этом назывались и такие материальные «особливые знаки высочайшей императорской милости» к новоявленному воеводе, как сабля и шуба соболья, покрытая серебряною парчою [Там же, с. 75-76]. Отметим, что здесь местный чиновник получил назначение «за верную службу» не только императрице, а стране – России. В 1759 г. ему же «за оказываемую верность и дабы его и впредь при сем похвальном намерении содержать» были пожалованы чин бригадира, звание кумыкского воеводы и 500 руб. деньгами [26, с. 167].

О характере даруемых высшими особами подарков дагестанским владельцам свидетельствует и указ Екатерины II президенту Военной коллегии князю Г. А. Потемкину от 27 февраля 1784 г. о передаче тарковскому шамхалу Бамату грамоты относительно приема его в русское подданство. В конце текста указа императрица наставляла князя: «При отправлении грамоты нашей к означенному шамхалу доставьте ему жалуемые от нас саблю и шубу соболью, кои с грамотою нашею вместе могут ему служить знаками подтверждения в настоящем его достоинстве и владении...» (подчеркнуто автором статьи. – В. Е.) [20, с. 186]. Как видно из приведенного текста, в документе сделан акцент на даруемые царицей вещи, которые являлись гарантией продвижения шамхала по службе и сохранения его землевладельческих прав.

В целом ряде писем кавказского генерал-губернатора П. С. Потемкина, отправленных в 1785-1786 гг. дагестанским владельческим персонам, понятие «подарок» не конкретизируется. Так, например, в письме табасаранскому Рустам-кадию в марте 1785 г. он писал: «...всегда готов платить вам дружбою, и в знак оной посылаю к вам подарок». В мае 1786 г. в письме кайтагскому уцмию Алибеку он же «изъявил» ему «опыты дружбы» своей, в знак которой «препроводил подарок». В это же время табасаранскому кадю Рустаму отправлено послание с идентичной концовкой – о «препровождении в знак дружбы» подарка [Там же, с. 193-195].

Полным контрастом к ним является «Инструкция» генерал-губернатора князю Уракову, отправленная к Ума-хану аварскому для привлечения его в подданство России. В ней он членораздельно наставлял князя: «По прибытии... к аварскому Ума-хану поднесите ему от меня... письмо, к которому приложена табакерка, потом вручите ему подарки, а именно: ящик красного дерева с деньгами, бархат и мех... Заметьте при этом – доволен ли будет он посланными подарками. Объясните ему, что деньги присланы от е.светл. (князя Григория Александровича Потемкина), а подарки от меня» [Там же, с. 197].

2 мая 1797 г. канцлер князь А. А. Безбородко в своем письме Мехти-беку тарковскому сообщал о пожаловании ему «шамхальского титула степени тайного советника и ежегодного жалованья» в 6 тыс. руб. [Там же, с. 241]. Шамхал же в своем письме от 1 ноября 1799 г., адресованном Павлу I, изливая императору верноподданнические чувства, благодарил его за следующие «благоденствия»: награжден достоинством шамхала, удостоен наследственного здешнего владения, получил высокомонаршие дары, бриллиантовое перо, блестящее одеяние [Там же, с. 247].

О значении подобных акций говорит и весьма показательное письмо члена Коллегии иностранных дел графа Ф. В. Ростопчина от 14 марта 1800 г., адресованное шамхалу Мехти. В нем шамхал обнадеживался в том, что он «во владении своем и впредь навсегда пребудет неприкосновенным». Граф с особым удовольствием поздравлял Мехти-бека с пожалованным чином генерал-лейтенанта от армии, а также с «жалуемыми г. императором 2-мя кусками богатой парчи и 20 аршинами темнозеленого сукна и белого», которые были отправлены с поверенным шамхала [Там же, с. 248].

Во второй половине XVIII века царская дипломатия, стремясь укрепить свое влияние в Дагестане методами политики «ласкания», позаботилась и о том, чтобы средства для ее реализации доставлялись не только через посланников из далеких столиц, но были бы поближе к объектам ее внимания. Выход был найден. Как отмечали исследователи архива «Кизлярский комендант» Ф. З. Феодаева и Е. И. Иноземцева, для подобных целей в распоряжении кизлярского коменданта имелись специальные денежные средства, часть из которых предназначалась для приобретения подарков дагестанским владельцам [7, с. 112; 26, с. 167].

Методы политики «ласкания» российскими властями дагестанской владельческой знати в XVII-XVIII веках не были исключительно только им присущим явлением. На Кавказе России пришлось неоднократно сталкиваться с Ираном и Турцией, которые во время войн (и не только) также использовали традиционные и для них приемы подкупов, дарения, предоставления прав на землю и т.д. Об этом свидетельствуют следующие факты.

В период иранского владычества на Северо-Восточном Кавказе дагестанским местным правителям выдавались фирманы (указы) шаха «на утверждение их владельческих прав», денежные пособия, посылались подарки. Особым вниманием шаха был окружен тарковский шамхал, хотя и другие не были обделены. В 1690 г. он отправил цахурскому владельцу Али Султану грамоту и кафтан «на владельческое звание», а с 1711 г. по его указу кайтагский уцмий Ахмед-хан и казикумухский хан Сурхай получали ежегодное денежное содержание в размере 200 туманов (золотых монет) [22, с. 44].

Осенью 1769 г. племянник казикумухского владельца Магомед-хана Хаджи-Гирей, возвращаясь из Мекки через Стамбул, посетил турецкого султана Мустафу III, который принял его с почетом. Домой Хаджи-Гирей возвращался с крупной суммой денег и многочисленными подарками, предназначенными «для подзыва дагестанцев и кумык в протекцию к султану», чтобы они начали против России «неприятельские происки» [23, с. 217].

В 1777 г. временный правитель Ирана Керим-хан «через гилянского Гедаят-хана прислал кайтагскому уцмию подарков на немалую сумму», прося его помочь в походе на Грузию. Летом 1778 г. он отправил морем уцмию «подарков тысяч на 20 или более и одну лошадь с золотою попоною, чтобы он с акушинцами выступил против Грузии» [13, с. 239-240].

После взятия Дербента в 1796 г. многие дагестанские владетели поддержали русское командование, что вызвало ответную реакцию Турции, которая направила к казикумухскому и аварскому ханам своего эмиссара с крупной суммой денег и предложением выступить против России. В результате Умахан Аварский в 1785 г. отказался от «услуг» турецкого султана, а Сурхай-хан принял деньги и стал выступать против России [1, с. 183, 185-186].

Армавирские ученые В. В. Великая и Н. Н. Великая верно утверждают, что «в первой половине XIX века политика “ласканий” не ушла в прошлое» [3, с. 99], что традиция принесения присяги, берущая свое начало во второй половине XVI века, «сохранилась на протяжении всей первой половины века» [Там же, с. 94], когда присяга являлась одним из мирных «политических методов включения горцев Северо-Восточного Кавказа в состав России» [Там же, с. 11]. Это их положение можно подтвердить множеством фактов, но формат статьи позволяет перечислить лишь самые показательные из них.

Наиболее полное представление о содержании и качестве даров, направляемых царскими властями в Дагестан в начале XIX века, свидетельствуют документы Азиатского департамента. Наше внимание привлекли две его «записки», которые представляют своеобразные реестры, включающие перечень награждаемых лиц и наименование материальных и денежных вознаграждений. Так, в «Записке» управляющего Азиатским департаментом С. Л. Лошкарева от 24 июня 1801 г. перечислены следующие персоны и «пожалованные» им награды. Первым назван дербентский Гасан-Али-хан, который был награжден саблей, собольим мехом на шубу и 10-ю соболями на опушку, воротник и обшлага ценою от 700 до 800 рублей, парчой в 20 аршин. В документе говорится и о «свите» хана, которая состояла из 6-ти человек и тоже была вознаграждена. В ней был посол Такий, получивший собольих мех и 10 соболей (ценою все 500 руб.), 12 аршин парчи и 1000 руб. сер. Разными денежными суммами были награждены 2 племянника хана, 2 служителя, персианин и «находящийся при посланце пристав дворянин Измаилов» [20, с. 251].

По такой же форме в марте 1807 г. была составлена и «Записка Азиатского департамента к докладу Коллегии иностранных дел о награждении владетелей Дагестана». В ней главнокомандующий на Кавказе генерал-от-инфантерии И. В. Гудович перечислил лиц, которым в качестве наград предложил присвоить воинские звания. Итогом этого его ходатайства стали грамоты императора Александра I о присвоении чина генерал-майора аварскому Султан-Ахмед-хану и уцмию каракайдацкому Али-хану, а также подполковничьих чинов табасаранским владетелям – Малсум-беку, Махмуд-беку, Мустафе-беку и карчагскому Мустафе-беку [19, с. 281-283].

В начале XIX века почти все владетели Дагестана приняли российское подданство. По договору 1802 г. под протекторат России перешли шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, кадий Табасаранский [1, с. 213]. В ходе работы Георгиевского съезда (в декабре 1802 г.) прошение о принятии русского подданства подал и аварский нуцал Султан-Ахмед-хан, который в апреле 1803 г. в Хунзахе («главном городе ханства») присягнул на верность России [9, с. 21].

В 1806 г. шамхал Тарковский Мехти-хан получил часть территории Дербентского ханства и был награжден золотой медалью, украшенной бриллиантами. Ему был присвоен чин генерал-лейтенанта и определено денежное жалованье в 5000 руб. К этим наградам были приложены еще и подарки из бархата, сукна и атласа, 6 золотых часов с золотыми цепочками. В документе было оговорено, что подарки получили и родственники шамхала [10, с. 169]. Кроме того, шамхал за оказанные России «большие услуги при покорении Баку, Кубы и Дербента» получил саблю, украшенную драгоценными камнями с надписью «За усердие и верность», знамя с императорским гербом, бриллиантовое перо, 6 тыс. руб. годового жалованья [16, с. 277] и был награжден золотой медалью на голубой ленте [23, с. 275-276]. 18 марта 1807 г. аварскому Султан-Ахмед-хану была выдана царская грамота о присвоении ему чина генерал-майора [20, с. 282].

В своем письме от 25 апреля 1809 г. главнокомандующий на Кавказе А. П. Тормосов уговаривал казикумухского Аслан-бека собрать отряд до 300 человек надежных конно-вооруженных для захвата в плен Ших-Али-хана, находившегося в это время в сел. Эрси Табасаранского владения. В конце письма за «исполнение» просимого главнокомандующий обещал: «...вы можете ожидать величайшей награды от е.и.в., тех же, кои участвовали бы с вами в поимке его (Ших-Али-хана. – В. Е.), я равномерно не оставил бы без денежной награды, и вы можете обещать им от меня до 700 червонцев» [Там же, с. 287-288].

В течение 1809-1812 гг. на верность России присягнули и вольные общества Нагорного Дагестана (Шадротское, Балхарское, Ансалтинское, Ричинское, Гунибское, Чохское), Южного Дагестана, а также акушинского и всего даргинского народа старшины [1, с. 217-218]. Все эти акции дагестанских владетелей были соответствующим образом вознаграждены.

Говоря о формах поощрения царскими властями дагестанских владельцев, следует отметить, что эти акты носили не только официальный характер. Между представителями обеих сторон зачастую складывались довольно теплые человеческие отношения, дух которых присутствовал и в официальной переписке. Так, например, главнокомандующий на Кавказе Н. Ф. Ртищев в письме каратинскому старшине Курбану не только выразил благодарность «за верную службу России», но и, по-настоящему заботясь о нем, писал: «Между тем, в знак моего к тебе благорасположения и признательности к твоему усердию, посылаю к тебе 100 руб. и 1 беличий мех, так как в горах бывает холод и по старости лет твоих для здоровья, в коем я беру участие, нужно тебе иметь теплое одеяние». Заканчивалось это письмо, написанное 30 июня 1812 г., такими словами: «Затем, пожелав тебе здоровья и многих радостей, остаюсь тебе усердный и доброжелательный» [20, с. 302-303]. Этот своеобразный постскрипtum чрезвычайно далек от официоза.

10 июля 1812 г. кюринскому Асланхану «за отличное усердие и верность к российскому императорскому престолу» было присвоено звание полковника с жалованием по чину, а после присяги на верность императору –

генерал-майора русской армии с вручением инвестурной грамоты, знамени с российским гербом и драгоценной сабли [10, с. 169].

23 июля 1812 г. командующий войсками в Дагестане Н. М. Хатунцев в рапорте главнокомандующему Н. Ф. Ртицеву подробно описал процесс приведения к повторной присяге на верность России казикумухского Сурхай-хана и даргинских обществ. При этом он отметил «усердие к службе» кубинского почетного бека Абдул-Рагим-аги и переводчика дворянина Мадатова, которые участвовали в переговорах в Акуше и с Сурхай-ханом. Поэтому он ходатайствовал о «достойном им вознаграждении», предлагая первому – золотую медаль с надписью «За усердие» на андреевской ленте и пансион, второму – подпоручичий чин [20, с. 305].

Практика задобривания дагестанской феодальной верхушки в форме различного рода дарений широко использовалась царскими властями и в годы Кавказской войны, о чем свидетельствуют официальные документы.

Суть политики «ласкания» в это время довольно четко определил на Кавказе генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич в своем рапорте Николаю I от 6 мая 1830 г. В нем он писал о причинах выступления горцев и мерах их покорения. По поводу последних, от которых можно было «надеяться на успех», он утверждал, что горцев «можно устроить и привести в изумление неожиданной новостью, превосходством войск, оружия и даже с пользой употребить политику, деньги и подарки» (подчеркнуто автором статьи. – В. Е.) [6, с. 68-69]. Конкретно эта «политика» реализовывалась через следующие акты. 16 июня 1820 г. после заключения договора с казикумухским Аслан-ханом В. Г. Мадатов (верный соратник А. П. Ермолова) объявил о пожаловании ему чина генерал-майора и вручил императорскую грамоту, знамя с русским гербом и драгоценную саблю. А «за особые отличия, оказанные при покорении» Табасарана, Каракайтага и Казикумуха» ему был пожалован орден святого Георгия 4-й степени [16, с. 261].

3 марта 1830 г. командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич в своем «Предписании» майору Корганову напомнил о необходимости принятия мер по привлечению имама Гази-Магомеда на сторону России и поручил ему вручить дагестанским владетелям разные подарки. Как сказано в документе, они должны были быть персонально распределены следующим образом: Аварскому нуцал-хану – кинжал; Кази-кумухскому Аслан-хану – перстень, соболий мех и бархат на шубу; Акушинскому кадию – зеленый бархат, хорьковый мех и золотые часы; двум ханшам – по перстню, куску парчи и по куску бархата и Сулейман-паше, сыну шамхала Тарковского – перстень и золотые часы [15, с. 38-39]. Насколько это было важно для российских властей, свидетельствует такая концовка «Предписания»: «О получении подарков взять от них письма и доставить ко мне» [Там же, с. 39]. Она показывает, что это были не бескорыстные дары, а плата за определенные услуги, которые находились на учете административных органов власти. В данном случае имело место превентивное награждение, которое в полной мере можно расценить как подкуп.

В начале марта 1829 г. император Николай I «всемилостивейше соизволил произвести» прежнего аварского хана Сурхая и вновь покорившегося хана Абу-Султан-нуцала в полковники с пенсией каждому по 2 тыс. руб. сер. При этом им были препровождены «высочайшие грамоты об утверждении их в ханском достоинстве», а также «знамена с императорским гербом и богатые сабли с надписями, жалуемые им от Е. В. И., сверх того для семейства Абу-Султанова подарки, означенные в особом реестре» [6, с. 59].

Генерал-адъютант Панкратьев в своем «Воззвании» к горцам 16 сентября 1831 г. обещал тому, кто поймает Кази-Магомеда и отдаст его в руки российского начальства, вознаграждение в размере 1200 руб. сер., а его родственникам – «покровительство российского правительства, милостями коего они будут всегда пользоваться» [Там же, с. 99-100].

В 1828-1830 гг. аварские ханши Гихили и Баху, владетель Аварии Абу-Султан-нуцалхан и его брат Умахан в совокупности получили от царского правительства «четыре бриллиантовых перстня в 13 тыс. руб., сукна 18, парчи 50, бархата 30, шелковой материи 40 аршин, золотые часы в 400 руб., калейдоскоп в 50 руб., 1400 червонцев деньгами» [10, с. 176]. Из приведенного перечня видно, что только одной ханской семье в течение 3-х лет было отправлено в качестве презента около 100 метров дорогих тканей.

Летом 1844 г. российскими военными властями в Акуша-Дарго был назначен пристав, при котором создавался «целый аппарат, неподконтрольный ни кадию, ни народному собранию» [13, с. 432], в который были назначены помощник пристава, переводчик, 2 русских военных писаря, 14 нукеров из лучших семей. На содержание этого аппарата по «предписанию» от 4 ноября 1844 г., составленному Аргутинским, было выделено 4090 руб. в год. В нем, кроме того, предусматривался отпуск 1500 руб. серебром «на угощение и подарки», за которые следовало отчитаться [Там же]. Профессор Р. М. Магомедов расценил это как «подкуп общинных верхов» [Там же].

В 1846 г. указом императора за особые заслуги и постоянную преданность шамхал тарковский Абу-Муслим, имевший чин генерал-лейтенанта, был переведен в княжеское наследственное достоинство. Считается, что «это был первый известный по документам случай возведения северокавказского правителя в княжеское наследственное достоинство» [3, с. 135]. И хотя княжеский титул по закону ему не давал никаких материальных прав и средств, он закрепил за ним право передачи земли своим наследникам [2, с. 117].

После упразднения в 1867 г. ханств каждому из их владетелей была назначена пожизненная пенсия и выделены земли и пастбища [12, с. 332]. Так, например, бывшим владетелям Кайтаго-Табасарани были назначены следующие пожизненные пенсии и отведены земли: полковнику Ахмад-хану – 500 р. и 1532 дес. земли, майору Эльдар-кади – 400 р. и 497 дес., подполковнику Султан-Ахмед-беку – 400 р. и 500 дес., Кюринскому Юсуф-беку – 5000 р. и 4000 дес. [Там же].

Фонд «родовых» наследственных земель, располагавшихся на Кумыкской плоскости в 70-х гг. XIX века, был огромен, он составлял 400378 десятин обрабатываемой земли. Ее реальными владельцами были следующие 10 княжеских фамилий: Айдемировы, Хамзаевы, Темировы (около 70 тыс. дес.), Муртазали-

Аджиёвы, Алибековы (около 23 тыс. дес.), Уцмиевы, Арсланбековы, Эльдаровы, Каплановы, Казаналиповы (более 70 тыс. дес.) [5, с. 75].

Поводы для вознаграждения земельными участками были весьма разнообразны. Так, например, за активное участие в подавлении Ункратлинского восстания 1871 г. подпоручику Т. Заголову и прапорщику И. Бибирову было пожаловано по 100 десятин ункратльских земель, а гумбетовскому наибу Алихану Гусейну – 11 десятин 124,5 сажени близ села Арттлук. Депутату дагестанского народного суда, майору милиции Ахмед-хану Айдемирову по именному царскому указу от 16 сентября 1875 г. «за тридцатилетнюю усердную службу в офицерских чинах» было пожаловано 248 десятин 320 сажень удобной и неудобной земли [12, с. 327].

Итак, приведенные выше материалы позволяют нам сделать следующие выводы. Среди подарков, поступавших от имени царствовавших особ дагестанским владетелям, их родственникам и местным чиновникам, превалировали меха и изделия из них, а также дорогие ткани. Среди мехов на первом месте был соболь, за которым следовали меха куницы, лисицы, белки, хорька, горностая. Большим разнообразием в дарениях отличались ткани. Это были разного качества и цвета сукна, бархат, атлас, парча и другие шелковые дорогие ткани, которые фигурируют во многих документах. Величина «кусков» дарованных тканей не всегда в них указывалась, но некоторые, приведенные в аршинах, весьма впечатляют, так как только часть из них в совокупности составляла более 450 аршин, т.е. 320 м. В ассортименте дарений неоднократно названо дорогое холодное оружие (сабли и кинжал), золотые часы с цепочкой, дорогие перстни. Упомянуты и такие «штучные» подарки, как серебряный ковш, табакерка, детский калейдоскоп и пр.

Среди мер поощрения дагестанской феодальной знати особое место занимали государственные награды в виде орденов и медалей, присвоение титулов и чинов по военной и статской службе, которые являлись прерогативой монарха, что и отражено в соответствующих документах. Почти все они вполне соответствуют той классификации государственных наград России, которые специалисты объединили в такие 4 большие группы, как «Высочайшее благоволение», «награды чинами и титулами», «пожалование земель и назначение аренд», «подарки императора» [2, с. 114]. Установленная Петром Великим в соответствии с «Табелью о рангах» от 24 января 1722 г. система государственных наград оставалась неизменной на протяжении XVIII-XIX веков [Там же, с. 112].

Содержание проанализированных документов позволяет утверждать, что политика «ласкания» способствовала включению дагестанской элиты в бюрократическую систему России, где она, в соответствии с «Табелью о рангах», в иерархии чинов заняла вполне приличные места – от 9-го (капитан) до 3-го класса (генерал-лейтенант в воинских сухопутных чинах) и от 8-го (воевода) до 4-го (тайный советник) – в статских [24, с. 144-146].

В течение XVII-XIX веков Россия в Дагестане в лице феодальных владетелей нашла необходимую ей в то время социальную поддержку и опору, что в значительной мере способствовало включению данного региона в состав Российской империи.

Богатый ассортимент номенклатуры даров в виде мехов, одежды, тканей, оружия, украшений и пр., поступавших из России, наложил определенный отпечаток на повседневную жизнь дагестанской феодальной верхушки, способствуя ее интеграции в бытовую среду высших гражданских и военных сословий России, а также социально-экономическому и культурному сближению русского и дагестанских народов.

Содержание некоторых документов, связанных с различного рода поощрениями дагестанской феодальной элиты, свидетельствует о том, что между ею и царскими чиновниками довольно высокого ранга, бывшими посредниками между дагестанскими владетелями и царственными особами, устанавливались не только деловые связи, но и вполне взаимоуважительные, толерантные, гуманные отношения, способствовавшие развитию интернациональных связей между народами Дагестана и России.

В исследуемое время главными соперниками России в кавказском регионе были Иран и Турция, которые для достижения своих целей также широко использовали различные способы поощрения дагестанской феодальной верхушки, что в определенной мере позволяет говорить о политике «ласкания» как о явлении международного уровня.

Список источников

1. **Асваров Н. А., Амирова З. М., Гасанов М. Р. и др.** История Дагестана с древнейших времен до наших дней: учебный курс. Махачкала: АЛЕФ, 2012. 512 с.
2. **Балязин В. Н., Кузнецов А. А., Сивова Н. А., Соболева Н. А.** Символы и награды Российской державы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 448 с.
3. **Великая Е. В., Великая Н. Н.** Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801-1859 гг.). Армавир: РИО АГПУ, 2015. 252 с.
4. **Гаджиев В. Г.** Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 391 с.
5. **Гасанов М. М.** Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Махачкала: Юпитер, 1999. 360 с.
6. **Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в.:** сборник документов / сост.: В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала, 1959. 783 с.
7. **Иноземцева Е. И.** Дагестан и Россия в XVII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. 126 с.
8. **История Дагестана:** в 4-х т. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967. Т. 1. 431 с.
9. **История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.).** М.: Наука, 1988. 659 с.
10. **Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в.** Махачкала: Юпитер, 2006. 520 с.

11. Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля // Магомедов Р. М. История Дагестана: очерки и документы. Избранные труды: в 6-ти т. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2004. Т. 2. С. 137-312.
12. Магомедов Р. М. Восстание горцев Дагестана в 1877 году // Магомедов Р. М. История Дагестана: очерки и документы. Избранные труды: в 6-ти т. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2004. Т. 2. С. 313-429.
13. Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе: в 2-х т. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1999. Т. 2. С. 520 с.
14. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.
15. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сборник документов / сост.: В. Г. Гаджиев, Ю. У. Дадаев, Х. Х. Рамазанов. М.: Эхо Кавказа, 2005. 550 с.
16. Потто В. А. Кавказская война: в 5-ти т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 2. Ермоловское время. 688 с.
17. Рамазанов А. Х. Россия и Дагестан в XIX – начале XX веков: государственно-политические, социально-экономические и культурные взаимовлияния. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2003. 220 с.
18. Рамазанов Х. Х. Эпоха Шамиля. Махачкала: Исламская типография «Ихлас», 2003. 342 с.
19. Русско-дагестанские отношения XVI – первой четверти XVIII в.: документы и материалы / сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. 335 с.
20. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сборник документов / сост.: В. Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н. А. Магомедов, Ф. З. Феодаева, Р. С. Шихсаидова. М.: Наука, 1988. 357 с.
21. Сказание Авраамия Палицына // Хрестоматия по истории СССР XV-XVII вв. / сост.: В. А. Александров, В. И. Корещкий; под ред. А. А. Зимина. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. С. 224-228.
22. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-дагестанских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. 221 с.
23. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII – начале XIX в. От Константинопольского договора до Гюлистанского трактата: 1700-1813 гг. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2012. 373 с.
24. Табель о рангах (Указ 3890 января 24 1722 г.) // Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М.: Военное изд-во Министерства вооруженных сил СССР, 1947. С. 143-150.
25. Умаханов М.-С. К. Дагестан в северокавказской политике России XVI-XVII вв. // Дагестан в составе России: эволюция государственно-правового статуса: материалы научно-практической конференции. Махачкала: Юпитер, 1997. 216 с.
26. Феодаева Ф. З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX в. М.: ТАУС, 2008. 256 с.

“SOFT SOAP” POLICY IN RUSSIAN-DAGESTAN RELATIONS OF THE XVII-XIX CENTURIES

Egorova Valentina Pavlovna, Ph. D. in History, Associate Professor
 Dagestan State University, Makhachkala
 rasimkarmukov@mail.ru

On the basis of documents and special literature the article reveals the essence of the “soft soap” policy, which included the system of measures that were taken by the Russian authorities to win the support of Dagestan aristocracy in solving their foreign-policy problems. The author shows how and why the imperial authorities encouraged Dagestan feudal owners to take the oath of citizenship in the XVII-XIX centuries by concrete factual material. The paper describes such methods of influence as distribution of gifts and rewards, granting land allotments, appointing military ranks, etc.

Key words and phrases: Russia; Dagestan; Russian-Dagestan relations; “soft soap” policy; remuneration; land allotments; military ranks; rewards; gifts.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 04.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.5>

В статье рассматривается эволюция государственной политики Чувашской Республики в отношении местной мусульманской уммы периода 1990-х гг. Исследование данных процессов сопровождается комплексным анализом источников и историографии проблемы. На основе впервые вводимой в научный оборот информации Государственного исторического архива Чувашской Республики и Государственного архива современной истории Чувашской Республики в отечественной исторической науке выделяются основные направления, особенности и проблемы государственно-исламского взаимодействия в хронологических рамках статьи.

Ключевые слова и фразы: ислам; конфессии; мусульманская умма; православие; Региональное духовное управление мусульман Чувашской Республики; Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика; Чувашская Республика.

Ефремов Евгений Николаевич, к.и.н.

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск
 een.pravo@gmail.com

МУСУЛЬМАНСКАЯ УММА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЧУВАШИИ В 1990-Е ГГ.

Период 1990-х гг. в России после эпохи «перестройки и гласности» характеризуется дальнейшей демократизацией государственно-конфессиональных отношений, изменивших, в частности, политику в отношении